

Woman in Russian Society
2018. No. 4. P. 140—150
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

Женщина в российском обществе
2018. № 4. С. 140—150
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2018.4.13

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В ИСТОРИИ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬИ

С. А. Векилова, И. С. Клецина, Г. В. Семенова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vekilova@mail.ru

Представлены результаты изучения поколенной динамики ролевого репертуара российских женщин на примере матрилинейной выборки «прабабушки — бабушки — матери — дочери». Показано, что женская история в целостном генеалогическом повествовании последовательно меняется от второстепенной и малозначительной до главной. Содержание материнской роли трансформируется — от биологической, репродуктивной до материнской роли с выраженными характеристиками осознанного психологического отношения. Супружество от формы патриархальной принадлежности мужу меняется в сторону более равноправного союза. Профессиональные роли становятся значимыми элементами истории уже в поколении «бабушек», а к поколению «матерей», женщин, рожденных в интервале 1931—1960 гг., даже более важными, чем семейные роли. Тем не менее сравнение ролевых профилей женщин четырех поколений с ролевыми профилями их мужей позволяет утверждать, что гендерного ролевого выравнивания ни в сфере семейной жизни, ни в сфере профессиональной жизни не происходит.

Ключевые слова: супружеские и родительские роли, профессиональные роли, многопоколенная генограмма, матрилинейная выборка, контент-анализ, гендерное неравенство.

PROFESSIONAL AND FAMILY ROLES OF FEMALES IN THE HISTORY OF MULTIGENERATIONAL FAMILY

S. A. Vekilova, I. S. Kletsina, G. V. Semenova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, vekilova@mail.ru

The article presents the results of content-analysis of the stories of twenty four multigenerational families. The sample included 121 females, who composed the pure matrilineal chains of great-grandmothers, grandmothers, mothers and daughters. The elder generation includes females born between 1870—1900 years, with 30-year interval between each generation. Generational analysis of dynamics of spouse, parental and professional female and male roles was conducted. The research permits to gain the following results. A male becomes the main hero of the family story in the elder generation of great-grandparents, a female beside

him is described only through her reproductive function; her marital status is described as a form of belonging. Her motherhood in the next two generations of “grandmothers” and “mothers” acquires the feature of psychological attitude (the children get their names and the essence of the relationships becomes important). The motherhood and conjugality becomes of equal importance and the female does not totally belong to her husband. The female story of “grandmothers” generation contains not only her family roles, but her professional roles too. The “daughters” generation born between 1960—1990 years, is characterized by the significant increase of the professional roles, which becomes more important, than even family roles. The total word score of women story prevails on the same index of male story, and the female becomes the main hero of the family story. The comparative analysis of male and female stories makes it possible to state that despite increasing dynamics of educational and professional female roles there is no real gender equality either in the family life space or in the social one. Females as before mostly belong to family world, and males as before mostly belong to professional world.

Key words: spouse and parental roles, professional roles, multigenerational genogram, matrilineal sample, content-analysis, gender inequality.

Исторические исследования «женской темы» — значимая часть гендерной проблематики. Изучение исторических материалов и реконструкции социальных условий, в которых находились женщины дореволюционного, революционного и более поздних периодов, достаточно широко представлены в исторических, социологических и культурологических публикациях [Пушкарева, 2002; Задворнова, 2011]. Основой этих исследований является анализ преимущественно научной периодики, архивных источников и газетных материалов. В них выявляются объективные юридические, политические, экономические и иные значимые социальные условия существования женщин в разные периоды истории. Подобные данные позволяют узнать, например, какие законы и правовые акты в отношении женщин были приняты в тот или иной исторический период, как регулировались деторождение, материнские функции, профессиональные роли женщин. Так, Н. С. Сычева в своей диссертационной работе указывает, что 12 января 1918 г. был принят Декрет об упразднении народного попечительства по охране материнства и младенчества и в то же время, 31 января 2018 г., вышло постановление «Об организации комиссии по охране младенчества». Постановление «Об охране труда беременных и кормящих грудью женщин» было принято в 1920 г.; в том же году РСФСР стала первым государством, которое узаконило аборт [Сычева, 2014].

Такого рода исследования представляют интерес с точки зрения изучения трансформации гендерных ролей в широких слоях российского общества. Однако в них не прослеживается непрерывная нить женских судеб в последовательных поколениях одной семьи на фоне исторического времени. На этот вопрос позволяет ответить материал, полученный с помощью метода многопоколенной семейной генограммы. Поскольку ценность гендерного равноправия объективируется через баланс или соотношение семейных и социальных ролей, исполняемых женщиной и мужчиной, генеалогический материал, по сути сфокусированный на семейных и профессиональных достижениях человека, идеально подходит для подобного исследования.

Постановка цели и задач исследования

Цель данного исследования — на материале генеалогических текстов определить, фиксирует ли семейная история российских женщин переход от приоритета семейных ролей к приоритету профессиональных ролей и какова динамика этого процесса.

Частными задачами становятся следующие:

- 1) с помощью количественного анализа оценить объемы текстов женских и мужских историй в общем генеалогическом повествовании;
- 2) определить динамику изменения значимости супружеских и материнских ролей в историях женщин четырех поколений;
- 3) оценить репертуар профессиональных ролей и их значимость в женских историях четырех поколений;
- 4) выявить соотношение семейных и профессиональных ролей и оценить поколенную динамику этого соотношения;
- 5) определить, происходит ли выравнивание относительной значимости профессиональных и семейных ролей в историях женщин четырех поколений в сравнении с аналогичными показателями их мужей, соответственно ответить на вопрос о том, достигается ли гендерное ролевое равновесие.

Методы исследования

Исходный эмпирический материал получен с помощью метода многопоколенной семейной генограммы, надежность и конструктивная валидность которого доказана ранее [Векилова, 2013]. В соответствии с этим методом, участникам исследования предлагалось нарисовать нисходящий генеалогический граф своей семьи в четырех поколениях и более. Каждому члену семьи, начиная с прародительской пары (вершина графа), присваивался порядковый номер. Далее участников исследования просили описать судьбы отображенных членов многопоколенной семьи во всех доступных деталях, так что каждый обретал в общем тексте свою маленькую или большую историю. Материал, на основе которого проводилось данное исследование, собран из семейных документов и историй, переданных старшими поколениями младшим. Будучи многократно пересказанными, они запечатлевают в себе наиболее важную информацию о человеческих судьбах и сохраняют квинтэссенцию человеческой жизни в таком виде, в каком она понята семейной общностью и транслирована потомку — автору генеалогического текста. Есть основания полагать, что генеалогия и семейная история — это виды коммеморативной практики, существующей для того, чтобы «реанимировать в настоящем значимые для группы воспоминания» [Шуб, 2016: 83] и на этой основе формировать солидарность и идентичность семейной группы.

Непосредственным методом получения количественной информации о семейных и профессиональных ролях служил контент-анализ текстов индивидуальных историй. Вычислялись частоты слов, обозначающих соответствующие понятия [Баранов, 2001]. Для проверки достоверности различий использовался непараметрический U-критерий Манна — Уитни. Анализ семейных ролей проводился отдельно по супружеским и родительским ролям. В блок профессиональных ролей включалась информация о профессии, достижениях в ней, образовании, миграционной мобильности, связанной с обучением и карьерой.

Для минимизации влияния многих внешних переменных на итоговый результат исследование было организовано следующим образом. Из общего массива данных 85 генеалогических графов были выделены 24 графа, содержащие непресекающиеся линии женского биологического родства: прабабушки — бабушки — матери — дочери. Женщины, вошедшие в сформированную таким образом матрилинейную выборку, были дочерьми друг друга в нисходящей линии родства, а их численность составила в поколении прабабушек 24 человека, в поколении бабушек — 25 человек, в поколении матерей — 32 человека и в поколении дочерей — 40 человек (всего 121 человек). Самое младшее поколение матрилинейных цепочек не включено в выборку, так как на момент исследования было представлено девочками и девушками добрачного возраста. Возможность исследовать чистую матрилинейную выборку позволяет сохранить в постоянных значениях внутрисемейные параметры (репродуктивные, супружеские, профессиональные установки) и изучать влияние новых социальных ценностей в непосредственном виде. Респондентками (участницами исследования) были 24 женщины в возрасте от 22 до 32 лет (магистрантки психолого-педагогического факультета РГПУ им. А. И. Герцена), которые составили нисходящие генеалогические графы и описали судьбы членов своих многопоколенных семей.

В рамках данной работы термин «поколение» использовался в своем исходном, генетическом значении: под поколением понималась общность людей, которые находятся в отношениях порождения. Временной интервал между поколениями — 25—33 года (рис. 1) — соответствует основному генеалогическому правилу и подтверждает достоверность материала [Усков, 2002]. Хронологически к поколению прабабушек принадлежали женщины, рожденные в интервале 1870—1900 гг., к поколению бабушек — женщины 1901—1930-х гг. рождения, к поколению матерей — женщины 1931—1960 гг. рождения и к поколению дочерей — женщины, рожденные в интервале 1961—1990 гг.

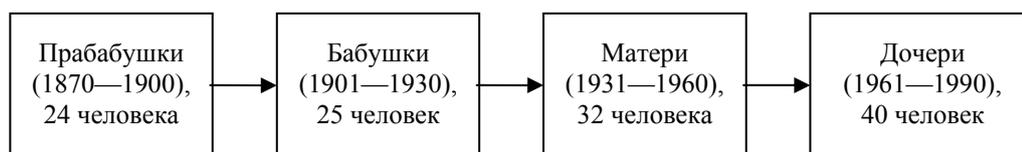

Рис. 1. Схема поколенной структуры выборки (матрилинейные цепочки родства, хронология и количество участниц в каждом поколении выборки)

Сравнительный анализ был проведен в двух направлениях: как поколенная динамика ролевого репертуара женщин от поколения прабабушек к поколению дочерей, а также как сравнительный анализ различий в ролевом репертуаре женщин и мужчин в каждом поколении генеалогического древа. Первое направление сравнительного анализа позволило непосредственно наблюдать сам процесс прироста значимости профессиональных ролей, второе направление — понять процесс выравнивания женских и мужских ролевых репертуаров.

Результаты исследования

Тексты о мужчинах и женщинах в генеалогическом повествовании.

Определение объемов текстов женских и мужских историй в общем генеалогическом повествовании позволяет понять, на какие гендерные образцы (женские или мужские) ориентирована семейная история, чьи судьбы воспринимаются как более важные с точки зрения вкладов в жизни потомков, имеют большее значение как опыт для последующих поколений. Сопоставление объемов текстов о мужчинах и женщинах показывает, что в старшем прапоколении их соотношение составляет 62,4 и 37,6 % соответственно. Большинство семейных историй начинаются со сведений о мужчине: описываются даты жизни, место рождения, род занятий, обстоятельства смерти; о жене говорится лишь то, что она была. Последующая динамика объемов текстов выглядит как восходящая для женских историй и как нисходящая для мужских (рис. 2). В поколении, рожденном в период 1931—1960 гг., объемы текстов уравниваются с точностью 50 : 50, а в последнем поколении генеалогического древа женские истории становятся большими по объему, чем мужские.

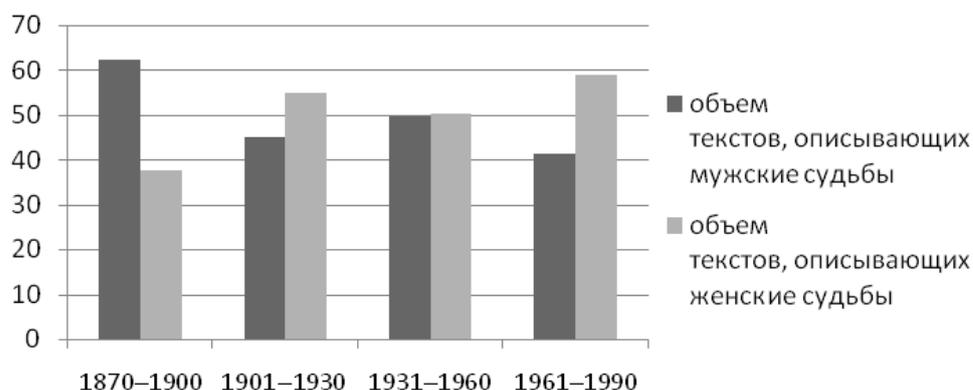

Рис. 2. Гистограмма поколенной динамики объемов текстов о мужчинах и женщинах в общем генеалогическом повествовании, %

Важно также, что баланс между объемами этих текстов неустойчив, достигается только однократно, временно. Это может свидетельствовать о динамичности значения мужских и женских историй в общем генеалогическом повествовании. Нельзя не отметить и то, что данный баланс приходится на сложный исторический период — период массовых репрессий, Великой Отечественной войны и послевоенное время.

Соотношение между супружескими и материнскими ролями женщин в истории многопоколенной семьи. Семейная жизнь и семейные роли — важнейшая составляющая генеалогического текста. В целях более глубокого понимания семейных аспектов существования женщин прежних поколений был предпринят отдельный анализ их супружеских и родительских ролей. Социальное равноправие женщин предполагает не только выравнивание ролевых позиций в социальной сфере, но и значительное изменение в содержании ролевого поведения внутри пространства семейной жизни. Оно подразумевает также понимание сути супружеских отношений как равноправного союза, а родительства

как равной ответственности матери и отца за развитие ребенка, его психологическое и социальное здоровье.

По результатам проведенного исследования, образ женщины прапоколения характеризуется в первую очередь через ее материнскую, а точнее, репродуктивную роль. О женщине того поколения говорится, что она родила определенное количество детей, из них в живых остались только некоторые. Нередко детская подсистема обозначается количеством детей и изредка дети называются по именам. В некоторых текстах женских историй используются словосочетания «тянула детей», «тащила детей», что указывает на тяжелый, иногда непосильный труд. О перинатальных потерях и смертях детей всех возрастов в женской истории также говорится достаточно много. Образ материнства женщин прапоколения практически сводится к репродуктивной, биологической функции воспроизводства, и только в двух следующих поколениях он приобретает свойства психологического отношения: репродуктивная нагрузка снижается, уменьшаются показатели перинатальной и детской смертности, дети называются по именам, а в тексте появляются описания личностных свойств как матери, так и детей.

Супружеская роль женщины поколения прабабушек также представлена своеобразно. Контент-анализ текстов отчетливо подтверждает следы патриархального семейного уклада. Признаком этого служит такое словосочетание, как «была женой», и далее в тексте указываются имя, отчество и фамилия мужа, при этом имя жены вообще может не называться; либо сообщается, что «ее имя и годы жизни неизвестны». Проявлением патриархальности можно считать и конструкцию «родила ему... детей». Указанные черты позволяют говорить о том, что супружество в прапоколении женщин было, скорее, отношением принадлежности жены мужу и его никак нельзя считать равноправным союзом.

Материнство важно и для поколения бабушек. Только в поколении женщин, рожденных в интервале 1931—1960 гг., супружество уравнивается по значимости с материнством, а в текстах о поколении, рожденном в 1961—1990 гг., описанию супружеских отношений уделяется больше внимания, чем материнству (рис. 3).

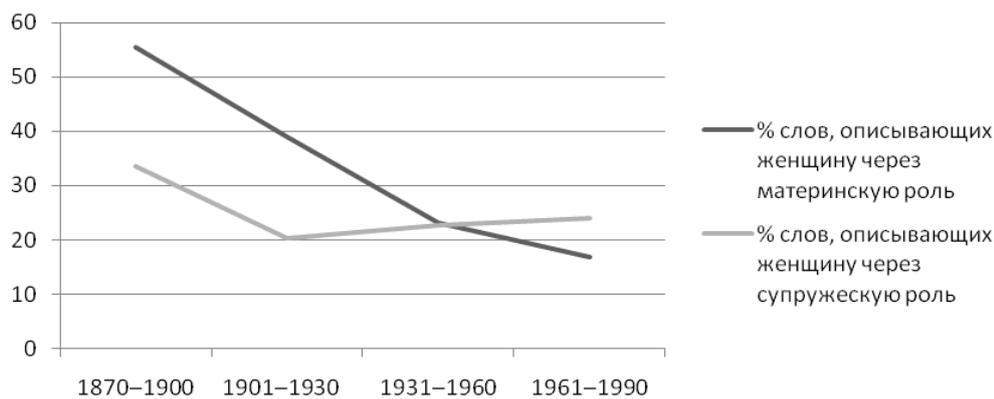

Рис. 3. Относительная значимость материнской и супружеской ролей в текстах о женских судьбах четырех поколений (процентное соотношение слов в текстах)

Несмотря на то что исследователи феномена материнства используют термин «принуждение к материнству» [Нартова, 2016], полученный в нашей

работе результат позволяет говорить о достижении определенной степени свободы от этого вида культурной тирании. В то же время, если снижение значимости материнства будет закономерно продолжаться и в будущем, можно прогнозировать актуализацию проблемы рождаемости и ухода за детьми, кризисное состояние этой важной сферы социального функционирования женщины.

Соотношение между семейными и профессиональными ролями женщин в истории многопоколенной семьи. Репертуар профессиональных ролей изучался на основе контент-анализа нескольких блоков высказываний: названия профессии, указаний на образование и полученные дипломы, описания фактов учебной и/или рабочей географической мобильности, а также упоминания профессиональных и учебных достижений («заслуженный учитель», «красный диплом»). Результаты позволяют сделать вывод о резком скачке в профессиональной активности женщин поколения, рожденного в 1901—1930 гг. (рис. 4). Рассматривая этот феномен в контексте исторических событий, следует отметить существенные послереволюционные изменения в положении женщин и их социальных ролях. В историях следующего поколения женщин, часть из которых пережили войну подростками, объемы текстов, описывающих учебу, работу и профессиональные успехи, превышают объемы текстов, описывающих обстоятельства семейной жизни. Социальное пространство жизни и успехи в нем становятся более значимыми, чем внутренний, приватный мир семьи.

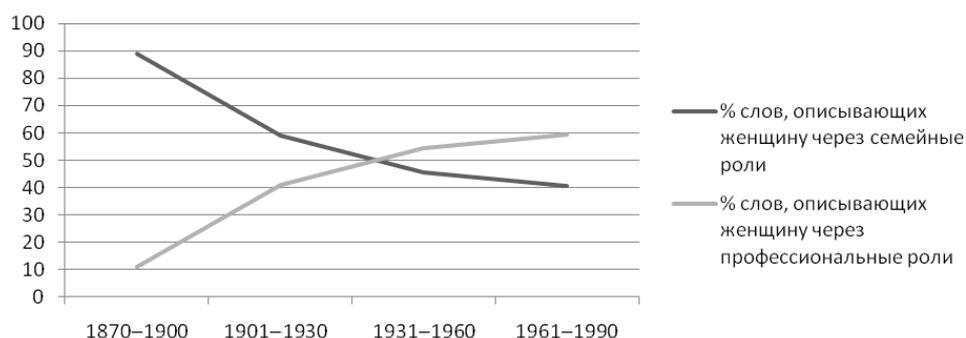

Рис. 4. Относительная значимость семейных и профессиональных ролей в текстах о женских судьбах четырех поколений (процентное соотношение слов в текстах)

Видно, что тенденция уделять больше внимания профессиональным ролям, чем семейным, сохраняется и в последнем из изученных поколений женщин. Также выявлено, что статистически значимо различается число профессиональных ролей в поколениях женщин, рожденных в 1870—1900 гг. и в 1961—1990 гг. ($U = 235,5$; $p \leq 0,01$). Вероятно, это свидетельствует о том, что процесс включения российских женщин в профессиональную деятельность растянулся на период жизни трех поколений и к настоящему времени стал мощным и необратимым.

Гендерное неравенство в ролях женщин и мужчин — членов многопоколенной семьи. Последней задачей исследования является ответ на вопрос о том, достигается ли гендерное ролевое равноправие женщин и мужчин при переходе от старшего поколения матрилинейной цепи к младшему поколению. Явление ролевого выравнивания исследовалось в двух аспектах: как выравнивание в семейном ролевом кластере и как выравнивание в профессиональных ролях.

Диаграмма на рисунке 5 отчетливо демонстрирует, что доля слов, обозначающих семейные роли (супружеские и родительские), в женских историях устойчиво превышает соответствующий показатель для мужчин. И данный результат позволяет утверждать, что пространство семейных взаимоотношений всегда было и по-прежнему продолжает оставаться важной и приоритетной сферой активности женщины, однако разрыв в значениях для мужчин и женщин неуклонно сокращается в каждом поколении. Это дает основание предположить, что уже в следующем поколении сфера семьи станет областью равной ответственности супругов.

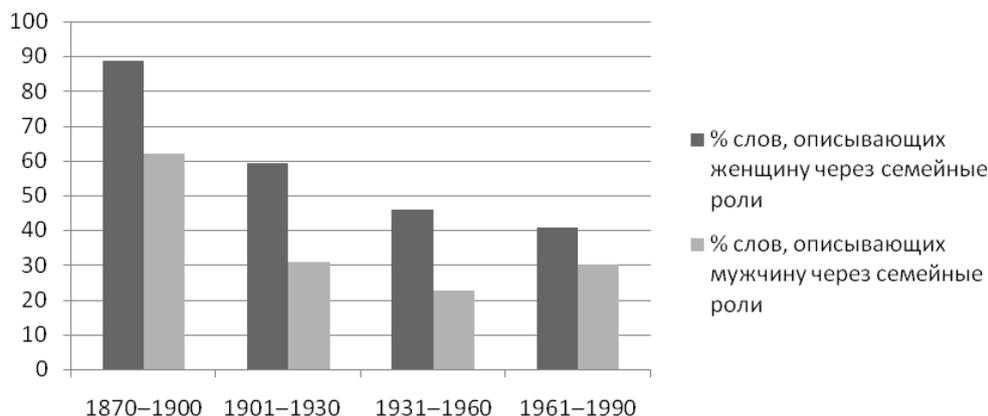

Рис. 5. Поколенная динамика значимости семейных ролей в текстах женских и мужских историй

Нельзя не отметить и тот факт, что в целом семейные отношения занимают все меньшее место в генеалогическом тексте, уступая свои позиции описаниям профессиональной активности и профессиональных достижений как женщин, так и мужчин (рис. 6).

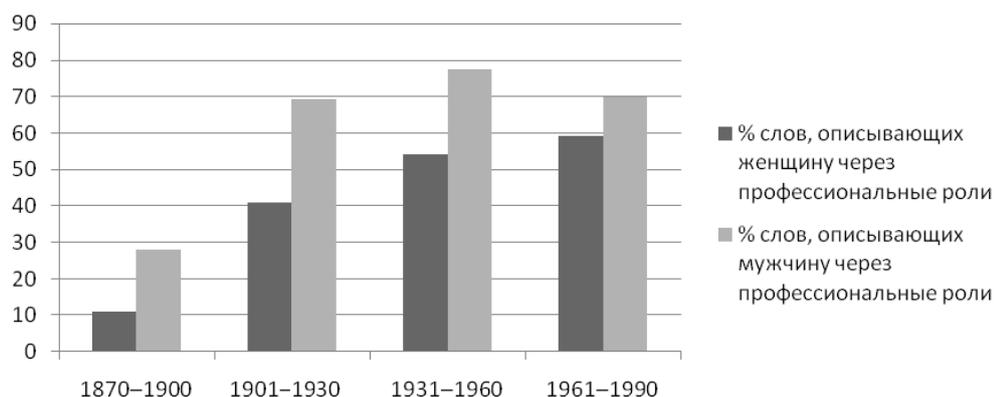

Рис. 6. Поколенная динамика сравнительной значимости профессиональных ролей в текстах женских и мужских историй

Активность в социальном мире занимает значительное место в текстах, но в описаниях мужских историй тема профессии выражена более масштабно.

Анализ и обсуждение результатов

Резюмируя полученные результаты, можно сказать, что в начале семейной истории ее главным персонажем является мужчина. Но уже в поколении, рожденном в 1931—1960 гг., жизненный опыт и достижения как мужчин, так и женщин становятся равнозначимыми. В этот период преодолевается традиционный дисбаланс в пользу мужчины как основной фигуры семейной истории. В поколении, рожденном в интервале 1961—1990 гг., ее основным персонажем становится женщина с ее учебными, профессиональными и семейными достижениями. Эти данные отчасти соотносятся с результатами, полученными другими авторами, в том числе и зарубежными. Так, например, в некоторых современных исследованиях отмечается тенденция к увеличению виктимизации мужчин и уменьшению виктимизации женщин, к росту значения активности женщин вне семьи. При этом указывается, что существенное влияние на данные процессы оказывает снижение коллективизма и, как следствие, повышение индивидуализма [Archer, 2006].

На основе результатов, полученных внутри женской матрилинейной выборки, можно сказать, что материнская роль, которая в старшем поколении сводится к репродуктивной функции, уже в следующем поколении приобретает субъектные черты: указываются имена детей и особенности взаимоотношений с ними. В поколениях «бабушек» (1901—1930 гг.) и «матерей» (1931—1960) супружество изменяется от отношения патриархальной принадлежности мужу к более равноправному союзу. Социальная, внесемейная сфера активности женщины начинает доминировать над миром семейной жизни уже в поколении женщин, рожденных в 1931—1960 гг. Внутри матрилинейной выборки наблюдается неуклонная динамика снижения объемов текста с описанием семейных ролей и увеличения объемов текста с описанием учебных и профессиональных ролей. Эта тенденция с течением времени становится статистически достоверным фактом: профессиональная сфера — неотъемлемая часть жизни современной женщины в отличие от жизни ее прабабушки.

Вместе с тем сравнение содержания женских и мужских историй позволяет утверждать, что тексты о мужчинах по-прежнему включают больше слов об их учебных, профессиональных и карьерных достижениях и меньше — о семейных успехах. Таким образом, процесс преодоления гендерной асимметрии, изученный на генеалогическом материале, хотя и продолжается и способствует определенному сближению исполняемых ролей, однако не приводит к гендерному равноправию. Гендерное равноправие, понимаемое как равное представительство женщин и мужчин в социальном и семейном мирах, еще не достигнуто.

Близкие по смыслу результаты представлены в аналитическом обзоре Ю. С. Задворновой, сделанном на основе эмпирических исследований российской семьи в 1980—1990 гг. [Задворнова, 2011]. Снижению темпов процесса ролевого выравнивания могут способствовать и наметившиеся в отечественной политике признаки возврата к ценностям патриархального доминирования, звучащие в высказываниях политических деятелей, лидеров общественных организаций и представителей различных религиозных общин [Воронина, 2013]. Замедлению этого процесса также способствуют латентно и явно присутствующие в текстах федеральных программ убеждения в необходимости стимулирования

репродуктивной функции женщины через денежные выплаты за рождение детей на фоне сохраняющегося неравенства зарплат [Хасбулатова, 2011]. Подводя итог, следует отметить, что приверженность «доминаторной модели», отказ от «модели партнерства» [Eisler, 1995] и недостижимость полного гендерного равенства остаются характерными признаками социальных взаимоотношений между нашими соотечественниками, женщинами и мужчинами.

Библиографический список

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 360 с.
- Векилова С. А. Психометрические свойства метода многопоколенной семейной генограммы // *European Social Sciences Journal* = Европейский журнал социальных наук. 2013. № 1. С. 298 — 305.
- Воронина О. А. Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // *Женщина в российском обществе*. 2013. № 3. С. 12—20.
- Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 4. С. 95—100.
- Нартова Н. А. Материнство в современной западной социологической дискуссии // *Женщина в российском обществе*. 2016. № 3. С. 39—53.
- Пушкарева Н. Л. Историческая феминология, женская и гендерная история: итоги и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2002. № 2. С. 32—37.
- Сычева Н. С. Социальная политика в отношении материнства и детства на Дону в 20-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2014. 224 с.
- Усков И. Ю. Отечественная генеалогия. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. 112 с.
- Хасбулатова О. А. Реалии российской гендерной политики в XXI веке // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 6. С. 4—12.
- Шуб М. Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // *Челябинский гуманитарий*. 2016. № 3. С. 80—86.
- Archer J. Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10, № 2. P. 133—153.
- Eisler R. T. *The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*. New York: HarperSanFrancisco, 1995. 272 p.

References

- Archer, J. (2006) Cross-cultural differences in physical aggression between partners: a social-role analysis, *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10, no. 2, pp. 133—153.
- Baranov, A. N. (2001) *Vvedenie v prikladnuiu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics], Moscow: Editorial URSS.
- Eisler, R. T. (1995) *The Chalice and the Blade: Our History, Our Future*. New York: Harper-SanFrancisco.
- Khasbulatova, O. A. (2011) Realii rossiĭskoiĭ gendernoĭ politiki v XXI veke [The realities of the Russian gender policy in the XXI century], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 6, pp. 4—12.

- Nartova, N. A. (2016) Materinstvo v sovremennoĭ zapadnoĭ sotsiologicheskoi diskussii [Motherhood in the contemporary western sociological debate], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 39—53.
- Pushkareva, N. L. (2002) Istoricheskaia feminologĭia, zhenskaia i gendernaia istoriia: itogi i perspektivy [Historical feminology, women's and gender history: results and perspectives], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 32—37.
- Shub, M. L. (2016) Sovremennye kommĭmorativnye praktiki: obrazovatel'nyĭ i vospitatel'nyĭ potentsial [Modern commemorative practices: educational potential], *Cheliabinskiiĭ gumanitariĭ*, no. 3, pp. 80—86.
- Sycheva, N. S. (2014) *Sotsial'naia politika v otnoshenii materinstva i detstva na Donu v 20-e gody XX veka*: dis. ... kand. ist. nauk [Social policy on motherhood and childhood on the Don in the 20s of the XX century: Diss. (Cand. Sc.)], Novocherkassk.
- Uskov, I. Iu. (2002) *Otechestvennaia genealogiia* [Russian genealogy], Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
- Vekilova, S. A. (2013) Psikhometricheskie svoĭstva metoda mnogopokolennoi semeinoĭ genogrammy [Psychometric properties of the multigenerational family genogram method], *European Social Sciences Journal*, no. 1, pp. 298—305.
- Voronina, O. A. (2013) Politika gendernogo ravenstva v sovremennoĭ Rossii: problemy i protivorechiia [The policy of gender equality in modern Russia: problems and contradictions], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12—20.
- Zadvornova, Iu. S. (2011) Tendentsii transformatsii gendernykh otnoshenii v sem'e v issledovaniakh otechestvennykh sotsiologov [Trends of the transformation of gender relations in the family in the studies of Russian sociologists], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 95—100.

Статья поступила 01.03.2018 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Векилова Севиль Афрасябовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, vekilova@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Клецина Ирина Сергеевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, irinaklyotsina@mail.ru (Dr. Sc. (Psychology), Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Семенова Галина Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, g-semenova@yandex.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Human Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).